

Глава первая

КОНЦЕПЦИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ВЕЛИКОГО РЕЙХА

Наступили «исторические» времена. Дискурс нацистов обнаруживает явную склонность к подобным преувеличениям, к бахвальству. Все — если судить по текстам и речам, по картинам и фильмам — теперь стало «историческим», «исключительным» (*einmalig*), «грандиозным», «решающим» (*entscheidend*) и так далее. Для определенной категории активных сторонников режима, его представителей, чиновников (высокого ранга) это действительно так. Более того: они полны энтузиазма, так как для военных, управленцев и политиков режима «национального возрождения» открываются новые перспективы в том, что касается карьеры, заработка и интересных профессиональных задач. Например, Эрвин Роммель, который, как и многие, никогда не состоял в партии, в возрасте 42 лет (то есть к 1933 году) был всего лишь командиром батальона, а в 1942-м благодаря гитлеровским войнам уже получил звание маршала. Конечно же, он был этим обязан своей деятельностью, своим успехам в командовании бронетанковыми войсками, но, безусловно, и тому факту, что армия, численность которой за несколько лет возросла

более чем в пятьдесят раз, остро нуждалась в кадрах. Нацистский гимн «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир» — это гимн подобных людей: он значим прежде всего для этих «кадров», хорошо образованных и жаждущих поощрений, военных и гражданских.

Юрист Вальдемар Эрнст в 1943 году с юмором укажет на этот факт в одном отнюдь не юмористическом журнале, посвященном вопросам геополитики и управления, сравнивая чиновника английского и немецкого. Если раньше первый из них путешествовал по всему миру благодаря открываемым Британской империей вакансиям, последний расценивал как захватывающее приключение уже переезд из Верхнего Рейна в Шварцвальд. Отныне немецкому чиновнику станет доступной служба повсюду — от норвежского Киркенеса до французского Бордо, от Риги до Крита¹. Это «почти невероятно!»². Какая удача — жить в столь удивительную эпоху!

Гражданские элиты были хорошо образованны: Веймарская республика щедро выделяла средства на нужды университетов и студентов. Она содействовала развитию высшего образования как никакой другой режим в Германии. Но ее дипломированные специалисты и обладатели научных степеней после 1929 года столкнулись с «радостной» перспективой безработицы, вызванной экономическим и социальным кризисом. Единственными, кто пообещал им выход из этой ситуации, стали нацисты, которые боролись за их внимание и охотно нанимали на работу — прежде всего в ряды СС. Таким образом, эти молодые люди занимали самые высокие посты в партии

(хотя им и пришлось побороться за это с «плебеями» — членами СА), а затем, с 1933 года, — и в государственных структурах Германии. Это происходило еще до появления идеи о господстве над Европой, отправной точкой для которой стало нападение на Польшу в 1939-м.

Среди подобных «кадров» выделялась группа особенно блестящих университетских ученых и высокопоставленных чиновников, которая занималась амбициозными теоретическими изысканиями, публикуясь, в частности, на страницах журнала *Reich, Volksordnung, Lebensraum* («Империя, расовый порядок, жизненное пространство»), который они же совместно и издавали с 1941 по 1943 год на базе Института исследований государства (*Institut für Staatsforschung*) при Берлинском университете. Институт находился в ведении СС, и руководил им молодой профессор Рейнхард Хён, занимающий один из высших постов в СД (Службе безопасности СС). Таким образом, журнал, родившийся вместе с Великой империей, чтобы исчезнуть в момент, когда над ней нависла серьезная, если не неотвратимая угроза краха, вносит вклад в формирование государственного аппарата для нужд будущего. Требования к администрации, отвечающей запросам Великого имперского пространства, в журнальных статьях строятся от самых общих моментов к самым узким, вдаваясь даже в такие подробности, как, например, это воодушевляющее, но не слишком увлекательное рассуждение о «ведении личных дел для целей планирования в управлении»³.

Самый старший из «кадров» и издателей журнала, о котором мы говорили, совсем молод. Вильгельм Штук-

карт родился в 1902 году. В 1933-м, когда его партия пришла к власти, ему едва минуло тридцать. Юрист, доктор права, защитивший диссертацию о торговых реестрах, он был советником НСДАП (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — Национал-социалистической немецкой рабочей партии), к которой принадлежал с 1922 года, и адвокатом СА — вместе с другими, которые, как Ганс Франк, Лютгебрун или Роланд Фрейслер, входили в команду защитников — «штурмовиков», обвиняемых в насилии по политическим мотивам. После прихода к власти Гитлера он поднялся на очень значительную высоту в государственных структурах: директор Министерства образования, а затем и государственный секретарь в этом ведомстве в 1933 году, в 1935-м он занял тот же пост в Министерстве внутренних дел рейха. Этот высокопрофессиональный специалист и преданный сторонник нацизма будет отвечать за подготовку двух чрезвычайно важных законопроектов: «Закона о восстановлении государственного аппарата Германии» (принятого в апреле 1933 года и закрывавшего доступ к государственным должностям политическим врагам режима и евреям), а также так называемых Нюрнбергских законов от сентября 1935 года, дающих новую трактовку понятию немецкого гражданства, согласно которым евреи не могли быть гражданами рейха и вступать в сексуальные контакты с неевреями. Этот специалист по арийству и арианизации комментирует текст законов совместно со своим коллегой Гансом Глобке, будущим ближайшим соратником канцлера Аденауэра, добиваясь принятия самых жестких формулировок

этого текста. Его интересовали также вопросы экспансии рейха: в 1938 году он составил проект документа, узаконивающего аншлюс Австрии, а затем, с весны до осени 1939-го, — и нормативных актов, определяющих статус Богемии и Моравии, а также Польши. Ярый приверженец нацизма и антисемитизма, он, таким образом, выступает убежденным аннексионистом, представляя собой архетип чиновника высокого уровня и деятельного интеллектуала от нацистского режима.

Именно в качестве управленца и мыслителя, занятого вопросами «большого пространства» (*Grossraum*), завоеванного немецкой армией, Штуккарт много и увлеченно рассуждал о нарождающейся администрации рейха. Времена, безусловно, наступили исторические, и перспективы открываются воодушевляющие, но сколько еще проблем ждет впереди!

Самого срочного решения требует проблема человеческих ресурсов (*Menschenmaterial*). Увеличение площадей территорий под немецким суверенитетом приведет к образованию «огромной империи» (*Riesenreich*), которой нужно будет управлять с помощью не растущего, а уменьшающегося количества кадров, так как все больше и больше чиновников будут призываться в армию. Штуккарт с тревогой говорит об этом в одной из статей сборника к сорокалетию Генриха Гиммлера, составленного в 1941 году, в момент грандиозной эйфории, связанной с победами на востоке⁴. Поэтому необходимы срочные реформы государственного аппарата страны — не только с прицелом на военное время, но и на грядущие века мирного суще-

ствования⁵ немецкой колониальной империи, которая возникнет на руинах СССР, чье поражение и расчленение не вызывают сомнений. Как делать *больше*, задействуя *меньше* людей? Да просто нужно делать *лучше*, и подобные улучшения не предполагают ожидания действий от центральных властей или поиска средств. Задача «делать лучше с меньшим количеством ресурсов» ставится перед немецкими управленцами на местах, которым надлежит изменить (при необходимости радикально) методы своей работы, чтобы достойно отвечать на вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня. Длинный текст Штуккарта, несмотря на перегруженность, довольно туманный. В нем нет сносок внизу страниц, он не носит научного характера, не излагает фактов — только предписания. Это набор утверждений и требований в духе «должно быть так» или «нужно сделать эдак». В своей манере Штуккарт усиленно продвигает принципы «гибкости, труда с радостью, близости к жизни и витальности»⁶, взывая к «творческой инициативе»⁷ чиновников, полностью посвящающих себя решению своих задач и выполнению миссий: каждый чиновник должен располагать «обширным пространством для реализации личных полномочий, выполнения долга, проявления личной инициативы»; у него должна быть способность «развернуться» в новом немецком пространстве, выполняя работу, связанную с его освоением. А для этого, при условии, что центральная власть остается сильной⁸, в *Führerstaat*, где импульс передается по вертикали и все подчинено воле *фюрера*, нужно организовать работу настолько децентрализованным способом, насколько это

возможно: «Духу и самосознанию немецкого народа соответствует», чтобы «все, что не необходимо сохранять в ведении центральной власти, <...> делалось как можно более децентрализованным путем»⁹. Упоминание духа немецкого народа и «децентрализованной» истории Священной Римской империи здесь приходится весьма кстати, так как поддерживает принцип «взаимодополнения» различных структур, снижающий нагрузку на центральный управленческий аппарат и во многом передающий право решать и действовать локальным инстанциям, управленцам среднего звена. По словам Штуккарта, повторяющего здесь расхожее мнение, немецкая традиция противоположна традиции Франции, где чиновники, задыхающиеся под гнетом авторитарной и погрязшей в мелких придирках центральной власти, столь несчастны. «Во Франции, — гласит известный нацистский стереотип, — дух инициативы и радостного труда умер»¹⁰, уступив место «нездоровому и ненужному формализму»¹¹, «чуждому жизни и забюрократизированному»¹².

Юрист Вальтер Лабс, доктор права и молодой (он родился в 1910 году) чиновник, занимавший высокий пост в «министерстве оккупированных восточных территорий», где он с интересом наблюдал за проводимой СС политикой массового уничтожения людей, с жаром одобрял позицию Штуккарта в своей статье от 1943 года об административном аппарате. Не одни французы столь негибки, советским людям это тоже было свойственно, пока их государство не исчезло с лица земли. В Германии все совсем по-другому.